

Марина ТОКАРЕВА

ГЕНАЦИД В БОЛЬШИХ УЩЕРАХ

Сцена из спектакля

На сцене – груда бревен под колосники, плотная, высокая, щелястая.

Справа – кафедра, за ней докладчик: «Тема моей диссертации – “Центростремительная сила хаоса и его мифотворческая логика”». Докладчика сверху накрывает будкой нужника. Бревна и нужник озаряются призрачным голубоватым светом, освещение мифа, притчи. «Современник» в спектакле «ГенАцид» предлагает читать не что-нибудь, а судьбу народную, как она есть и как могла б сложиться, если бы знать...

...Матерясь, по сцене проходит Гришка-плотник, шатаясь под грузом старых обломков. Стол, за ним милиционер. Вдруг над ним, как яркое солнце, восходит знакомый голос.

– Алло, майор? Работаешь?

– Так точно, товарищ полковник!

Полковник интересуется, есть ли в Больших Ущерах интеллигенция. Майор рапортует – «есть»: фельдшер, учительница, библиотекарь – библиотека лучшая в районе, но народ книжек не читает, не любит.

– А придется полюбить! – распоряжается голос.

Начинается социальный эксперимент. Внедряется государственная единая национальная идея – ГенАцид. Ради объединения народа вокруг литературного наследия. Голос диктует список: Толстой, Чехов, Достоевский, Салтыков-Щедрин.

– Служу Родине! – ошалело откликается майор Бузунько (Сергей Шеховцев).

Поверху проезжает ржавая вагонетка. Дно разнимается. На сцену валятся книги.

Авторы – режиссер Кирилл Вытоптов и сценарист Нана Абдрашитова – сделали инсценировку по одноименному роману Всеволода Бенгисена. Спектакль получился поразительно смешным и печальным. Ведь русская литература и поэзия – может быть, то единственное, чем мы можем оправдаться не столько в глазах начальства, сколько высшего начала. Но нет признаков его существования в окружающей беспросветной, безжалостной жизни.

Большие Ущеры, как и вся Россия, живут сумрачно, грубо, трудно, в потасовках, мате, пьянстве. Милиционер собирает доктора Зимина, учительницу Нину и библиотекаря Пахомова. Объясняет суть. Интеллигенция сомневается: а если не поймут? «Поймут, не поймут – заставим!, – разъяряет Бузунько, – За уклонение от государственной идеи – штраф или 15 суток». Всего через три недели должна приехать комиссия. И надо будет отвечать.

Сельчане пытаются роптать, но майор немолчим: выучить и сдать комиссии!

– Ба-ра-тынский, – читает по складам Сергей Сериков, – Евгений Абрамыч, – еврей, что ли?!

– Баратынский – Хератынский! – взъезжается на бытового антисемита Бузунько. – Учить, и все!

И вот уже в руках ущерцев трепещут крыльями, как птицы, книги. И – окрыляют не по-детски. Литература, сказал классик, есть наилучшая система формирования человеческого духа, и спектакль подробно, в деталях фиксирует трудный процесс испытания возвышенным. Эстетика, как известно, мать этики, и от соприкосновения с прекрасным меняются национальные матрицы. Народ, отлученный от своего языка, отлучен от жизни. Но вот язык

Е. Матвеев – Гришка-плотник

проникает в его сознание, и люди начинают жить на полную катушку, к ним возвращаются достоинство, надежда, смысл. Но и душевные муки, маета, морок. Тексты перепахивают людей.

...Комиссия вот-вот прибудет. Репетиция в библиотеке. Громиха (Светлана Коркошко) выходит, словно бы вынося перед собой стихотворение «Аблока». И сотрясают самогонщицу – до костей, до дрожи – чары блоковской «Незнакомки». – «...И медленно пройдя меж пьяными», – хриплой джазовой нотой тянет пропитой голос.

Самоуверенной Тане (Елена Козина) достается «Первый бал Наташи Ростовой», растерянной Кате (Клавдия Коршунова) – монолог Катюши Масловой, уклонисту от брака Мите (Евгений

Ш. Хаматов – Валера,
Д. Смолев – Сергей Сериков,
И. Древнов – Антон Пахомов

Павлов) – «Очарованный странник» Лескова. Таджик Мансур (Рашид Незаметдинов), уже год как получивший российское гражданство, читает нараспев: «Люди, львы, орлы и куропатки». Плотника, которому выпал Бродский, все тянет в одиночество и на высоту.

Особенно трудно приходится как раз тем, у кого стихи. Возникает даже конфликт между защитниками рифмованного слова и приверженцами прозы. Хрестоматийные тексты звучат свежо и мощно. Но литературное наследство не может быть легким – это сельчанам придется испытать на своей шкуре.

Серикову (Дмитрий Смолев), что все искал в Чехове смысл жизни, литература достается до полной гибели всерьез. Мучительные чеховские вопросы наступают на несчастного, а тут приходит роковое письмо от бывшей возлюбленной. Самоубийство пресекает эксперимент. Властям как раз к этому времени открывается страшное: «литература учит людей мыслить самостоятельно»!

Потрясенный происшедшим библиотекарь Антон (Илья Древнов) поджигает библиотеку. По бревнам мечутся огненные буквы, тлеет текст, дымятся классики.

Когда окажется, что сдавать ничего не надо, комиссия не приедет, а эксперимент закрыли, да и был он не в масштабах страны, а только – села, свет русской литературы уже одержит абсолютную победу над тьмой народного сознания, потеснит быт, опровергнет опыт, переродит. Язык способен сотворить нацию. Думающую, детски открытую, романтическую, свободную. (Всея бы России – опыт Больших Ущер.)

Говорят, репетировали долго. В итоге – отличные работы практически у всех; у многоопытных Елены Миллиоти и Светланы Коркошко, у молодых. Весь ансамбль выглядит стройным. Главное качество – не подделанная народность.

В отличие от автора текста, авторы спектакля любят своих персонажей. В воздухе его растворяются нежность и сострадание поистине платоновской силы. Нане Абдрашитовой и Кириллу Вытоптову удалось редчайшее: трагический комизм. Именно он, как выясняется, описывает нас и жизнь нашу всего лучше. Притча про «ГенАцид» в России годится на все времена.

Фото С. Петрова

